

С. В. Воробьев

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
НА УРАЛЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПа
(по информационным сводкам ВЧК-ОГПУ)**

Информационные сводки ВЧК-ОГПУ являются для историка одним из наиболее ценных и предпочтительных источников с точки зрения полноты и достоверности содержащихся в них сведений о событиях, происходивших в стране в 1920—1930-е гг. Эти документы не предназначались для публичного ознакомления (все они шли под грифом «Совершенно секретно») и соответственно не выполняли идеологическую функцию формирования в сознании общества положительного образа власти, а предназначались для служебного пользования и имели целью информирование руководящих партийных работников губернского уровня и высшего политического руководства о реальной социально-экономической и политической обстановке на местах и положении дел в стране в целом. В многочисленных директивных документах постоянно указывалось на необходимость критической оценки включаемых в информационные сводки фактов, сбалансированности их отбора¹. В сводки включались сведения по различным вопросам жизнедеятельности государства и состояния общества. В первую очередь, власть интересовали «настроения всех групп населения и факторы, влияющие на их изменение», их реакция на принимаемые ею решения и проводимые политические и экономические мероприятия². В связи с этим использование информационных сводок органов политического контроля представляется весьма перспективным исследовательским направлением для выявления реальных общественных настроений населения Урала в начальный период осуществления новой экономической политики.

Первые годы НЭПа были сложным временем в истории Советской России, в том числе и в Уральском регионе, где сложилась непростая социально-экономическая ситуация. Население региона в полной мере испытало на себе голод 1921–1922 гг., негативные последствия экономического кризиса, который охватил промышленное производство на Урале. В новой непривычной обстановке допущения элементов рынка, капиталистических отношений в хозяйственные связи и неоднозначного отно-

шения к этому разных слоев населения представителям советской власти приходилось решать острые социально-экономические проблемы.

«Рынок – это прекрасный механизм, если он функционирует нормально»³. Однако рыночные отношения, допущенные партийным руководством в экономическую жизнь в условиях кризиса доверия к власти, глубокого экономического кризиса, усугубленного катастрофическим дефицитом продовольствия в стране, не могли в короткие сроки распутать весь клубок накопившихся проблем в экономике. К тому же рыночный механизм действовал в жестко ограниченных рамках, установленных правящей партией большевиков, которая оставила за собой «командные высоты» в экономике страны, и поэтому был по своей сути деформированным, ущербным и малоэффективным.

Наиболее болезненно реагировали на изменение экономических правил игры рабочие промышленных предприятий Урала, привыкшие за период «военного коммунизма» к патернализму со стороны «своей» советской власти. С переходом к НЭПу ситуация кардинально меняется: государственная поддержка промышленности существенно сокращается, предприятия начинают переводиться на хозяйственный расчет. Изменение подхода государства к управлению экономическими процессами четко сформулировал в своем докладе председатель Екатеринбургского губисполкома С. А. Кузнецов: «Новая экономическая политика натолкнула нас теперь на необходимость вести строгий хозяйственный расчет, приходится учитывать, насколько выгодно данное предприятие для государства. Раньше же все давалось от государства, теперь приходится учитывать и везде, где можно, сокращать»⁴.

Введенное Совнаркомом 9 августа 1921 г. управление крупной промышленностью на основе хозрасчета приводит к тому, что многие предприятия начинают сдаваться в аренду либо закрываться⁵. Это ведет к росту числа безработных, которые, не получив помощи от государства и лишившись средств существования, не могли приобрести продукты питания на рынке и вынуждены были потреблять различные суррогаты или уходить в деревню. В информационных сводках ВЧК фиксируются случаи голодной смерти среди безработных рабочих⁶.

Государственная система продовольственного обеспечения населения действовала с серьезными сбоями. В городах Урала ситуация со снабжением жителей продовольствием была критической, а в ряде мест назревала реальная угроза голодных бунтов. В городе Верхнеуральске Челябинской губернии в декабре 1921 г., по оценке составителей информсводки, голод приобрел «ужасные размеры, население начинает есть кошек и собак»⁷.

В то же время и рынок функционировал в ситуации ограниченного объема продовольственных товаров и постоянного роста цен на них.

У большей части населения не было на руках реальных денег для покупки продовольствия. Рабочим на заводах и служащим заработная плата и продовольственные пайки выдавалась нерегулярно, с задержками в несколько месяцев, к тому же их размеры не позволяли прокормить самого работающего и тем более его семью. Крестьянство было задавлено налоговым прессом. В связи с этим покупательная способность жителей региона была крайне низкой, поскольку они не имели возможности приобретать продукты питания по рыночным ценам.

Власть пыталась каким-то образом решать проблему обеспечения населения продовольственными и промышленными товарами, в частности, через развитие кооперации. Однако не всегда это давало положительный эффект, т. к. в кооперативной торговле товары реализовывались, как правило, по рыночным или даже по более высоким ценам, чем на рынке. Крестьяне Челябинской губернии, не имевшие возможности поехать в город на рынок, вынуждены были приобретать аналогичные товары у кооператоров по цене «чуть ли не вдвое дороже». В результате у населения складывалось мнение, что «кооперация — вторая капиталистическая грабилька»⁸.

В связи с тяжелой экономической ситуацией и беспомощностью властей психологическое состояние и умонастроение различных социальных групп населения Урала на протяжении 1921—1922 гг. было подавленное, апатичное. Для этого периода в информационных сводках характерно доминирование следующих оценок обстановки в регионе: в Челябинской губернии «настроение крестьян на почве голода резко изменилось в худшую сторону», в Екатеринбургской губернии «общее политическое состояние остается неудовлетворительным», в Уфимской губернии «настроение рабочих ввиду невыдачи пайка... изменилось в худшую сторону»⁹.

К лету 1923 г. продовольственная ситуация на Урале постепенно стабилизируется, что ведет к улучшению материального положения населения и спаду социального напряжения. Общественные эксцессы, радикальные формы проявления социального протеста, столь характерные для «голодного времени» 1921—1922 гг., уже не наблюдаются, по сообщениям информационных сводок ГПУ настроение рабочих по сравнению с 1922 г. «улучшилось»¹⁰. Благодаря усилиям властей удалось наладить продовольственное снабжение рабочих, в основном решить проблему с задержкой заработной платы, хотя и не повсеместно. В первые месяцы 1923 г. на заводах Среднеуральского треста в Екатеринбургской губернии, на предприятиях Красноуфимского уезда, Сухоложском заводе продолжались задержки с выплатой заработной платы и выдачей продовольствия, что вызывало у рабочих «несочувственное», «безразличное отношение к Соввласти»¹¹. Однако такие настроения в этот период не были доминирующими среди уральских рабочих, хотя время от времени про-

исходили всплески недовольства по поводу экономического положения, которые проявлялись в виде конфликтов с администрацией и забастовок в связи с невыдачей заработной платы и продовольственного пайка, а также высокими нормами выработки и низкими расценками на работы. Осенью 1923 г. разразился кризис сбыта промышленных товаров, и короткий период относительно стабильного, благополучного существования населения Уральского региона был прерван. Вновь начинаются перебои с выдачей заработной платы, и материальное благосостояние рабочих опять начинает снижаться.

Поскольку рабочий класс по официальной классовой идеологии числился гегемоном революции, являлся социальной базой диктатуры пролетариата, то власть в решении конфликтных ситуаций с рабочими старалась занимать конструктивные позиции. Во время забастовок представители партийных комитетов, исполнительной власти приезжали на заводы, уговаривали рабочих, объясняли ситуацию, наряду с профсоюзами выступали в роли «третейских судей» в решении спорных вопросов с заводской администрацией, как это было на Мотовилихинском заводе в январе 1922 г.¹² или Нижнетагильском металлургическом заводе в марте 1923 г.¹³ Со своей стороны рабочие, по утверждению составителей информационных сводок, несмотря на тяжелое материальное положение, не выходили за рамки экономических требований, не выдвигали политические лозунги, а проявляли поддержку мероприятий советской власти и выражали к ней «сочувственное отношение», т. е. считали ее своей¹⁴.

В ряде случаев власть умело манипулировала общественными настроениями, «спускала пар», переключая внимание рабочих с повседневных проблем внутренней жизни на внешнеполитические события. Так, организованные партийными инстанциями мероприятия, посвященные убийству в Швейцарии советского дипломата В. В. Воровского и «ультиматуму Керзона», получили среди уральских рабочих поддержку¹⁵.

Крестьяне находились в менее привилегированном положении по сравнению с рабочими, им труднее было отстаивать свои интересы. Это было обусловлено тем, что они, во-первых, проигрывали рабочим в организационном плане: у них не было такой структуры, как профсоюзы, которые бы отстаивали их права перед властью, к тому же они были менее консолидированы как социальная группа. Следствием НЭПа стало усиление классового расслоения в деревне. Зажиточные слои сельского общества («как более приспособленный элемент к жизни») с оптимизмом восприняли политический курс на ослабление государственного контроля над хозяйственными процессами, на допущение в хозяйственную жизнь частной инициативы и частного капитала, поняли это как добрый знак для возвращения своих утраченных позиций доминирования в сель-

ском обществе. Однако и так называемые кулаки и середняки, а также бедная часть крестьянства на деле оказывались заложниками политики пролетарского государства в отношении крестьян, которая с переходом к НЭПу стала лишь несколько менее жесткой.

Являясь формально рабоче-крестьянской, на практике советская власть вела себя в отношении крестьян не так лояльно, как с рабочими, жестко реагировала на проявления недовольства и акты неповиновения с их стороны. В информационных документах органов политического контроля обнаруживаются свидетельства подобного отношения власти к крестьянству. С одной стороны, информаторы характеризуют зиму 1921—1922 гг. как «отчаянную борьбу за существование», когда крестьяне, питавшиеся до этого суррогатами, которые они добывали «в озерах, на полях и с деревьев, теперь лишены и этой возможности»¹⁶, а с другой, в этих же сводках они извещают вышестоящие органы власти о выполнении плана по сбору продовольственного налога с крестьян. Сообщалось, например, что в Челябинской губернии за указанный период в ситуации массового голода было собрано продовольственного налога по плану: «хлебного – 71, крупкота – 73, мелкого – 86, свиней – 71, шерсти – 79, масла и яиц – 59 процентов»¹⁷. Сбор продовольственного налога часто осуществлялся с применением принудительных мер, для пресечения недовольства крестьян задействовались войсковые подразделения¹⁸. Объективно такая налоговая политика советской власти, не одобрявшаяся всем сельским сообществом, все же наиболее больно ударила по беднейшему крестьянству – главному реальному союзнику этой власти в деревне. При общем невысоком авторитете действующей власти в целом, крестьяне в то же время дифференцировали свое отношение к ее различным органам. Так, если к советской власти отношение было «сносно-удовлетворительным», то к коммунистической партии отношение было «недоброжелательным», так как крестьяне возлагали на нее основную вину за «критическое положение переживаемого момента»¹⁹.

В довольно незавидном материальном положении оказались в начальный период НЭПа советские служащие различных организаций и учреждений, получавшие маленькую зарплату. Сотрудники этих ведомств по-разному выражали отношение к своему бедственному положению. Те из них, кто не имел возможности привлечь дополнительные источники для улучшения своего благосостояния, обвиняли советскую власть в своем безвыходном положении и упрекали ее в том, что она «не выдает им прожиточного минимума»; правда, эти упреки не переходили в критику политического характера. Другая часть служащих не уповала на помощь со стороны власти, а искала способы, не всегда праведные, пополнить свой бюджет, используя служебное положение. Это относится в первую очередь к служащим хозяйственных и продовольственных ор-

ганов. В Челябинской губернии работники гупродкома занимались хищением и получением продовольствия по поддельным документам. А в губернском союзе потребительских обществ вся работа по свидетельству губернской ЧК сводилась «к спекуляции и самообеспечению»²⁰. Поэтому, естественно, политическое настроение советских служащих, за исключением служащих хозяйственных и торговых учреждений, было неудовлетворительным. В Н. Тагиле служащие окружного исполкома заявляли, что при первой же возможности будут уходить на службу в торговлю или другие подобные учреждения, «где оплата труда до некоторой степени удовлетворяет их потребности»²¹.

Советские служащие в той или иной степени являлись представителями власти, проводили в жизнь ее решения, обеспечивали функционирование различных органов управления. В то же время по сообщениям информационных сводок прослеживается их определенная отстраненность, дистанцированность от власти. В своем большинстве советские служащие не следили за политическими событиями в стране, относились к ним пассивно, без особой заинтересованности²², тем самым косвенным образом выражая свое отношение к власти.

Итак, на основании информационных сообщений органов ВЧК-ОГПУ можно констатировать, что психологическое состояние и политическое настроение различных социальных групп населения Урала в начальный период НЭПа, их отношение к РКП(б) и советской власти в целом определялись экономическим фактором и являлись реакцией на экономическую действительность. Несмотря на переход к новой экономической политике, подавляющая часть населения региона, по выражению челябинского историка И. В. Нарского, продолжала жить «в катастрофе», в состоянии перманентного психологического стресса, решая вопросы повседневного выживания в условиях голода, экономической депрессии, постоянного роста цен и неясных жизненных перспектив.

¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С.147.

² См.: Там же. 148.

³ Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук. М., 2006. С.37.

⁴ Общество и власть: Российская провинция. Свердловская область. Т.1: 1917–1941. Екатеринбург, 2005. С.305–306.

⁵ См. об этом: *Неретина Л.А.* Реорганизация государственной промышленности в 1921–1925 гг.: принципы и тенденции развития // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С.77.

⁶ См.: ЦДООСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 37. Л. 13.

⁷ Там же.

⁸ Общество и власть: Российская провинция. Челябинская область. Т.1: 1917–1945. Челябинск, 2005. С.144.

⁹ ЦДООСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 37. Л. 13.

¹⁰ См.: Там же. Д.196. Л.2.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. Д.37. Л.16.

¹³ См.: Там же. Д.196. Л.3.

¹⁴ См.: Там же. Л.7.

¹⁵ См.: Там же. Л.8.

¹⁶ Общество и власть: Российская провинция. Челябинская область. Т.1. С.140.

¹⁷ ЦДООСО. Ф.1449. Оп.1. Д. 37. Л. 13.

¹⁸ См.: Там же. Л.16.

¹⁹ Общество и власть... Челябинская область. Т.1. С.142.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 347–348.

²² См.: Там же. С. 357.